

О ЧЕРКАСОВЕ С. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЧЕРКАСОВ Сергей Николаевич, родился в 1898 в Самарской губ. Получил высшее медицинское образование. В 1920-х — работал врачом в больнице Ленинграда, занимался научной работой. В ночь с 4 на 5 декабря 1928 — арестован, 13 мая 1929 — приговорен к 5 годам концлагеря и летом отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Об его освобождении ходатайствовали Морозов Н. А., Орбели Л. А., Красуцкая А. А., Крестовников А. Н.¹

В июне 1929 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена Мария Александровна Черкасова.

«Многоуважаемая, Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с просьбой, сообщите мне, пожалуйста, куда и как мне обращаться с заявлением о пересмотре дела моего мужа органами ОГПУ и как добиться этого пересмотра. Других путей получить нужные указания и указания, заслуживающие доверия, у меня нет.

Мой муж получил приговор: 5 лет концлагеря ("Соловки"). Примириться с таким жестоким и совершенно незаслуженным приговором я не могу, но как действовать, в каком направлении, где, я не знаю, и это меня заставило обратиться к Вам.

Мой муж, Черкасов Сергей Николаевич, — врач, научный работник, арестован 5/XII 28 г<ода>.

Следователь, ведущий дело — Озеров.

№ дела по Ленинградскому ОГПУ — 160, по Московскому — 71904. Разбиралось дело в Москве в Президиуме 13/V 29 г<ода>.

В силу несчастного стечения обстоятельств мой муж присоединен к так называемому, "Лиговскому делу". Ни одного человека из этой группы до встречи в камерах он не знал так же, как никто из них не знал моего мужа. Отношение его к этой группе следующее: в 1924 году была студенческая чистка, жертвами которой сделалось очень большое число студентов. Среди вычищенного студенчества было стремление пробраться за границу и кончить образование там.

Мой муж от одного, не близко знакомого — Мизеева И. В., слышал о возможности перебраться через границу при помощи контрабандистов и, когда с одной из студенток его курса зашел разговор о переходе какого-то вычищенного студента уехать за границу кончить образование, — он посоветовал ей обратиться к тому, от кого слышал об этой возможности. Студента, который собирался уезжать, мой муж не знал и не знал даже из какого тот учебного заведения. О дальнейшей судьбе этого студента ему до допросов при аресте ничего не было известно. В тюрьме же выяснилось, что этим студентом был Щукин.

А в результате всего этого такая жестокая нелепость.

За моего мужа хлопотали Николай Александрович Морозов, хлопотали по научной линии профессора: Л. А. Орбели, А. Л. Красуцкая и Ал. Н. Крестовников. Местное ГПУ в лице следователя и особоуполномоченного (официально) заявляло, что с этими ходатайствами будут считаться и дадут ему возможность продолжать где-нибудь заниматься научной деятельностью.

Студентка, через которую велся разговор об этом студенте, — освобождена через 10 дней после ареста. Я считаю, что мой муж заслуживает того же или, по крайней мере, смягчения этого приговора, что он получил, и это говорит не личное чувство, а здоровая логика, совершенно объективная.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 377. С. 34-37, 43-46; Д. 399. С. 107; Д. 400. С. 256.

Вы простите, что я так надолго занимаю Ваше внимание и время. У меня есть к Вам еще и вторая просьба: за эти ½ года, столкнувшись вплотную с органами ОГПУ, я видела много жестокостей, несправедливостей и потому быть уверенной, что здоровая логика восторжествует, конечно, теперь уже не могу. А потому и прошу, сообщите мне, не могу ли каким-нибудь путем я устроиться с мужем. Я сама — врач. Я знаю о недостатке медицинского персонала в Соловках, и, может быть, в силу этого недостатка, меня возьмут туда на службу врачом. Я согласна на время пребывания там моего мужа быть в положении арестованной и не иметь по сравнению с арестованными никаких льгот, кроме льготы по оплате своей работы. Если мне будут платить те же 18 рублей, как и врачу-арестанту, — мы не сможем там жить; помогать же нам двоим некому. Помогать мужу буду я. Пребывание в Соловках, кажется, лишает на некоторое время и в дальнейшем права жить в крупных центрах. Повторяю, что я согласна на все эти условия положения об арестованных в Соловках.

Пожалуйста, Екатерина Павловна, напишите мне все, что Вы знаете по этим 2 вопросам.

В настоящее время все по этому делу находится еще здесь в ДПЗ и поэтому похлопотать, может быть, выгоднее сейчас, пока они еще не отправлены?

Буду Вам очень, очень благодарна.

Я у Вас в Комитете была 23/III 29 г<ода>, карточка на меня имеется, но под другой фамилией — Шевелевой.

Зная Ваше добросовестность, я надеюсь, что Вы мне все, что можете и знаете, напишите.

Адрес мой: г<ород> Ленинград, Петр<оградская> стор<она>, пр<оспект> Карла Либкнехта, 31, кв. 10

Марии Александровне Черкасовой»².

В середине 1930-х — Сергей Николаевич Черкасов находился в Кандалакше, работал заведующим больницы в "Нивастрое". 10 марта 1938 — арестован, 14 апреля приговорен к ВМН и 8 мая расстрелян³.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. С. 62-64. Автограф.

³ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.